

не обусловлены ни воспринимающимъ субъектомъ, ни объек-
томъ, независимымъ отъ субъекта, такъ какъ субъектъ и объ-
ектъ сами сводятся къ комплексамъ ощущеній. Ясно, что въ
этомъ учениі ощущенія представляются какъ истина всего су-
ществующаго, т.-е. мыслятся какъ сущее, въ формѣ безуслов-
ности и всеобщности. Эмпиріокритицизмъ на самомъ дѣлѣ пред-
ставляетъ собою сплошное утвержденіе абсолютности ощуще-
ній. И въ этомъ надо видѣть новое доказательство того, что
абсолютное есть формальное условіе всякой мысли, даже той,
которая его отрицаєтъ. Эмпиріокритицизмъ еще больше, чѣмъ
предыдущія формы критического реализма обнаруживаетъ недо-
статочность эмпирическаго элемента въ познаніи и необходимость
восполненія его элементомъ рациональнымъ.

VI. Рационализмъ.

Анализъ критического реализма привелъ Соловьевъ къ выводу,
что «истинное знаніе возможно только подъ формой разумности
или всеединства». Чтобы наше познаніе было истиной, оно должно
представлять не одну дѣйствительность или реальность суще-
ствующаго, а его смыслъ или разумъ: идеальь истиннаго зна-
нія требуетъ, чтобы мы познавали каждый данный предметъ
въ его отношеніи ко всему, т.-е. мы должны знать мѣсто, положе-
ніе или значеніе, которое данный предметъ занимаетъ въ
общемъ порядкѣ или планѣ всего существующаго. Разумность
познаваемаго не дается опытомъ: въ опытѣ нѣть «всего» и «еди-
наго»; въ немъ мы находимъ всегда только частную и множе-
ственную дѣйствительность. Разумъ или смыслъ существующаго
можетъ быть познанъ только самимъ же разумомъ познающаго:
отношеніе каждого даннаго предмета къ всеединству можетъ суще-
ствовать для нась лишь постольку, поскольку въ нась самихъ
есть принципъ всеединства, т.-е. разумъ. Животныя въ своемъ
познаваніи ограничиваются непосредственно ихъ касающеюся дѣй-
ствительностью явлений; отличие человѣка отъ животнаго Соловьевъ
видѣть именно въ томъ, что, испытывая дѣйствительность
въ качествѣ субъекта чувственнаго, онъ въ то же время въ
качествѣ сущности разумнаго опредѣляетъ смыслъ этой дѣйстви-

тельности, опредѣляетъ ее по отношенію къ тому принципу всеединства, который есть ея собственный смыслъ или разумъ.

Въ этомъ и заключается отправная точка раціонализма. Реализмъ, какъ доктринальскій, такъ и критическій, ищетъ основанія истины въ познающаго, какъ такого, — въ независимой отъ него и его разума реальности. Напротивъ, раціонализмъ переносить критерій истины въ самого познающаго субъекта, разсматриваетъ какъ основаніе истины самыи его разумъ.

Онъ исходить изъ того положенія, что всякая данная реальность, какъ нѣчто частное и случайное не можетъ удовлетворять необходимой формѣ истины, которая требуетъ принципа, а не факта; поэтому онъ признаетъ опредѣляющимъ началомъ истиннаго знанія не материальное его содержаніе, которое для самаго знанія есть нѣчто случайное, а его идеальную форму, которая для него безусловно необходима. Иначе говоря, опредѣляющее начало истиннаго знанія есть самыи разумъ субъекта.

Тутъ возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ субъективный разумъ человѣка можетъ познавать сущность и объективный разумъ вещей, какъ можетъ наше субъективное мышленіе получить значеніе объективнаго знанія. Когда эта возможность не подвергается изслѣдованію, а просто предполагается, мы имѣемъ раціонализмъ доктринальскій; напротивъ тогъ раціонализмъ, который подвергаетъ изслѣдованію способность объективнаго познанія, называется *критическимъ*: послѣдній раціонализмъ болѣе вѣренъ своему принципу, такъ какъ отличительная черта разума именно и заключается въ томъ, что онъ не допускаетъ ничего просто даннаго, стремится все объяснить и вывести изъ принципа. Соловьевъ обращается непосредственно къ этой наиболѣе совершенной формѣ того философскаго направленія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Критическій раціонализмъ, неразрывно связанный съ именемъ Канта, исходить изъ самостоятельности разума, которая выражается въ формальной апріорности его мысли. Для Канта — апріорные представлія, понятія и положенія суть лишь общія формы и законы явленій, необходимыя условія нашего опыта, которые въ этомъ смыслѣ имѣютъ объективное значеніе. У Канта «разумность или всеединство есть только формальный принципъ, выражаютій только требованіе или умственную потребность сво-

дить все къ одному идеальному началу, которое само такъ же какъ и это требование существует только въ нашемъ умѣ, есть наша мысль, которой, можетъ-быть, ничего и не соотвѣтствуетъ во вѣшнемъ бытіи, такъ какъ это бытіе совершенно намъ неизвѣстно; то же, что намъ извѣстно—міръ явлений—самъ по себѣ не представляетъ никакого всеединства или разумности, происходя изъ эмпирическихъ воздействиій вещей на наше чувственное воспріятіе». Въ итогѣ, по Канту наше познаніе слагается изъ двухъ элементовъ—матеріального и формального: его матерія или содержаніе сводится къ впечатлѣніямъ нашихъ чувствъ; напротивъ, формой его служитъ априорный элементъ нашего сознанія, т.-е. априорныя интуїціи (возврѣнія), понятія чистаго разсудка и, наконецъ, идеи разума. Формы нашего сознанія сами по себѣ лишены всякаго содержанія, и не представляютъ собою какого-либо бытія: они только придаютъ характеръ всеобщности и необходимости эмпирическому матеріалу ощущеній, даннымъ чувственного воспріятія.

Въ этомъ взглѣдѣ Канта на природу познанія Соловьевъ справедливо усматриваетъ не разрѣшеніе вопроса, а только новую его постановку. Тотъ самый дуализмъ мысли и бытія, коего не могъ преодолѣть раціонализмъ догматической, возрождается въ другой формѣ и остается все-таки непобѣжденнымъ и въ раціонализмѣ критическомъ. Критический раціонализмъ считаетъ два коренныхъ фактора нашего познанія—чувственность и априорныя формы разума—совершенно независимыми другъ отъ друга. Но, разъ они независимы, остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ они могутъ объединяться въ одно цѣлое, въ одно истинное познаніе явлений; съ одной стороны данные чувственного воспріятія нисколько не опредѣляются разумомъ; съ другой стороны априорныя формы разума чужды всякихъ эмпирическихъ данныхъ, безусловно лишены содержанія и реальности. Истинное познаніе, очевидно, должно быть синтезомъ формы и содержанія, разума и чувственности: оно должно соединять реальность чувственного воспріятія со всеобщностью и необходимостью априорной формы. «Но, именно такой синтезъ и невозможенъ для критического раціонализма, который утверждаетъ оба фактора познанія въ безусловной отдѣльности и отвлеченности, не допускающей между ними никакого перехода и внутренняго

соединенія. Между элементамиaprіорнымъ и эмпіріческимъ неѣть никакого третьяго, связующаго начала: всякая связь между ними, слѣдовательно, можетъ имѣть характеръ или чисто эмпіріческій или чисто aprіорный; но въ первомъ случаѣ она лишена всеобщности и необходимости и, стало быть, не сообщаетъ познанію характера объективной истинности; напротивъ, во второмъ случаѣ она—только субъективная форма, не могущая дать познанію объективной реальности. «Такимъ образомъ критической рационализмъ не обосновывается и не объясняетъ возможности познанія: при взаимной независимости двухъ его необходимыхъ составныхъ началъ оно совершенно немыслимо».

Соловьевъ показываетъ, какъ отсюда вытекаетъ необходимость дальнѣйшаго развитія рационалистической точки зрѣнія; чтобы выйти изъ указанного затрудненія, рационализмъ оказывается вынужденнымъ признать, что одинъ изъ элементовъ познанія опредѣляется другимъ:aprіорный или рациональный элементъ познанія, очевидно, не можетъ зависѣть отъ эмпіріческаго, опредѣляться имъ: ибо изъ факта не вытекаетъ принципъ и изъ частной дѣйствительности, данной въ опыте, нельзя вывести всеобщаго и необходимаго закона. При этихъ условіяхъ остается допустить, что все содержаніе познанія зависитъ отъ его формы, опредѣляется всесдѣло категоріями разума. Къ этому выводу пришелъ абсолютный рационализмъ, выразившійся въ ученіи Гегеля.

Сущность этого ученія сводится къ необычайно смѣлой попыткѣ—вывести всю истину, все содержаніе истиннаго познанія изъ чистаго разума какъ формы познанія. Основнымъ принципомъ системы Гегеля служить *чистое понятіе*, по существу тождественное съ актомъ чистаго мышленія: это не есть понятіе чего-нибудь, какого-либо опредѣленнаго бытія, а понятіе *бытия вообще* безо всякой опредѣленности, ничего въ себѣ не содержащее; оно ничѣмъ не отличается отъ понятія «ничто» и, слѣдовательно, равно ему. Изъ этого основного понятія—«бытия равнаго ничто» выводятся всѣ прочія понятія системы Гегеля: Гегель пытается этимъ путемъ вывести всю міровую эволюцію, все многообразіе конкретнаго бытія. Весь міръ такимъ образомъ выводится здѣсь изъ «ничего», представляется результатомъ саморазвитія «ничто»: выводъ нелѣпый, но «совершенно неиз-

бъжній для отвлеченнаго раціонализма, признающаго единственнымъ принципомъ разумъ самъ по себѣ, то-есть пустую форму истины, отвлеченно взятую».

Оцѣнка этого воззрѣнія у Соловьева сводится къ немногимъ общимъ замѣчаніямъ. Въ дѣйствительности разумъ не есть *сущность* всего существующаго, какъ это предполагаетъ отвлеченный раціонализмъ: онъ есть нѣкоторое *соотношеніе*, именно соотношеніе всѣхъ существъ въ единствуѣ всего: всеединство есть *форма* истины; соотносящіяся же существа, т.-е. «всѣ» составляютъ *содержаніе* истины, а то единое, которое обнимаетъ собою или содержить въ себѣ все, есть безусловное *начало* или *принципъ* истины. Форма не существуетъ отдельно отъ того, чего она есть форма, т.-е. независимо отъ своего содержанія: если всеединое есть форма, то этимъ предполагается безусловно существующимъ ея содержаніе, т.-е. «единое» и «всѣ»: ибо соотношеніе предполагаетъ соотносящихся. Признавать же форму истины за самый ея принципъ и сущность, значитъ принимать за истинно сущее наше отвлеченіе, превращать въ реальность пустую форму, соотношеніе безъ соотносящихся, иначе говоря, — чистое ничто.

Гегелево понятіе «бытія равнаго ничто» получено черезъ отвлеченіе отъ всего конкретнаго, отъ всякаго даннаго содержанія: по самому опредѣленію своему оно есть лишеніе всего и, стало быть, бѣднѣе всякаго возможнаго содержанія: поэтому всякое содержаніе, всякое опредѣленіе, хотя бы и самое скучное, по отношенію къ этому началу является какъ нѣчто большее его, какъ нѣчто новое, что въ немъ не содержитъся, а потому не можетъ быть изъ него логически выведено. Такимъ образомъ основное начало Гегеля есть чисто отрицательное, всеединое, изъ котораго ничего вывести нельзя: поэгому оно не можетъ быть началомъ всего, не можетъ быть принципомъ истины.

«Такимъ принципомъ», по Соловьеву, «можетъ быть всеединое только въ положительномъ смыслѣ, то-есть не то, что *содержитъся* во всемъ, а то, что все въ себѣ *содержитъ*, что есть абсолютное не какъ отрѣщенное (ото всего), а какъ *совершенное* (во всемъ). Всеединое можетъ существовать только какъ *форма* аб-

соглутной реальности: оно—не только мыслимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истинно сущее»¹⁾.

VII. Соловьевъ и Чичеринъ о раціонализмѣ.

Эта справедливая въ общемъ критика абсолютнаго раціонализма Гегеля въ свое время вызвала со стороны Б. Н. Чичерина рядъ замѣчаній болѣе рѣзкихъ, чѣмъ основательныхъ.

Соловьевъ оправдываетъ краткость только что изложеннаго отделья тѣмъ, что несостоятельность отвлеченнаго раціонализма давно уже стала ясною для общаго сознанія. Чичеринъ напрасно видить въ этомъ «легкій способъ отдѣляться отъ задачи»: замѣчанія Соловьева дѣйствительно кратки, но мѣтки и существенны; Чичерину не удается опровергнуть ихъ на цѣлыхъ десяти страницахъ.

Соловьевъ видить въ разумѣ форму истины, которая не имѣеть значенія отдельно отъ своего содержанія—соотношеніе, которое безъ соотносящихся обращается въ ничто. Явно извращая мысль противника, Чичеринъ заключаетъ отсюда, что «разумъ, по опредѣленію Соловьева есть соотношеніе безъ соотносящихся», «реальное ничто» или «логическая пелѣность». Чичеринъ тутъ просто-напросто относить къ разуму вообще тѣ утвержденія, которыя у Соловьева высказываются лишь о ложномъ, раціоналистическомъ пониманіи разума—о разумѣ, возведенномъ въ абсолютъ. Будучи самъ раціоналистомъ, Чичеринъ, видимо, не можетъ перенестись на иную точку зрѣнія: онъ ставить въ образецъ Соловьеву воззрѣнія Аристотеля, для котораго форма вообще и въ частности—форма всѣхъ формъ—разумъ есть *сущее*. Игнорируя мысль противника, онъ противополагаетъ ему не дѣйствительный разборъ его возраженій, а совершенно произвольное утвержденіе способности нашего разума *изъ самого себя* познать абсолютную истину. По его словамъ, «то логическое единство, къ которому разумъ приводитъ все сущее, есть изображеніе, въ формѣ сознанія, того дѣйствительнаго единства, которое существуетъ въ мірѣ. И для того, чтобы это изображеніе

1) Критика отвлеч. началъ, 263—270.